

тория, в пределах которых осуществляется местное самоуправление, имеются муниципальная собственность, местный бюджет, казна и выборные органы местного самоуправления¹¹), иностранные государства и международные организации. По аналогии с ч.2 п. 1 ст. 1116 ГК РФ они также должны существовать на день открытия наследства.

Признание статуса наследника по завещанию за Российской Федерацией, субъектами Российской Федерации, муниципальными образованиями дублирует положение ст. 124 ГК РФ о признании их субъектами гражданского права наравне с физическими и юридическими лицами.

¹ Живорождением является полное изгнание или извлечение продукта зачатия из организма матери вне зависимости от продолжительности беременности, причем плод после такого отделения дышит или проявляет другие признаки жизни, такие, как сердцебиение, пульсация пуповины или произвольные движения мускулатуры, независимо от того, перерезана пуповина и отделилась ли плацента. Каждый продукт такого рождения рассматривается как живорожденный. (Инструкция «Об определении критериев живорождения, мертворождения, перинатального периода» к приказу Минздрава Российской Федерации от 4 декабря 1992 года № 318 «О переходе на рекомендованные Всемирной организацией здравоохранения критерии живорождения и мертворождения»).

² Положение о том, что правоспособность ребенка как самостоятельного субъекта права возникает только с момента его появления на свет и только при условии, что он родится живым, неуклонно соблюдалось на всех этапах развития римского государства. Это положение никем не оспаривалось, и споры между представителями сабинианской и прокулианской юридических школ велись только о моменте, с которого ребенка следует считать живым: с момента, когда он издал первый крик, или с момента, когда он подал любые другие признаки жизни.

³ См.: *Предложение о внесении поправок в ГК Рос-*

сийской Федерации в части, касающейся возникновения и прекращения правоспособности физических лиц (Интервью с депутатом Государственной Думы, заместителем председателя комитета по общественным объединениям и религиозным организациям А. В. Чувевым) // *Нотариус*. – 2004. – № 2. – С. 45-48.

⁴ Положение о признании некоторых субъективных гражданских прав за зачатом, но еще не родившимся ребенком было сформулировано свыше двух с половиной тысячелетий тому назад – в Законах XII Таблиц, в которых за такими детьми (называемыми насчитурами, т.е. еще не рожденными) признавалось право наследования в имуществе отца, умершего во время беременности матери. Такой подход полностью сохранился в последующие века и получил свое развитие и закрепление в Дигестах Юстиниана: «Кто находится в чреве, охраняется, как если бы он находился среди людей, поскольку дело идет о выгоде самого плода». В интересах детей еще в древности была сформулирована правовая фикция: «Ребенок, родившийся после смерти отца, считается родившимся до его смерти».

⁵ В редакции Федерального закона от 21 марта 2002 г. № 31-ФЗ «О приведении законодательных актов в соответствие с Федеральным законом "О государственной регистрации юридических лиц"» // *Собрание законодательства Российской Федерации*. – 2002. – № 12. – Ст. 1093.

⁶ *Оглоблина О. М. Завещание*. М.: Изд. М.Ю. Тихомирова, 2005. – С. 7.

⁷ При присоединении одного юридического лица к другому юридическому лицу к последнему переходят права и обязанности присоединенного юридического лица, следовательно, оно продолжает свое существование, оставаясь тем же субъектом права, которое было названо в завещании в качестве наследника.

⁸ См.: *Пугинский Б.И. Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях*. – М., 1984. – С. 56-58.

⁹ См.: *Гражданское право: учебник*. Ч. 1. Изд. третье, перераб. и доп. / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. – М., 1998. – С. 182.

¹⁰ См.: *Постановление СМ СССР* от 29 июня 1984 г. №683.

¹¹ См.: *Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»* (ст. 1) // *Собрание законодательств РФ*. – 1995. – № 35. – Ст. 3506.

СПЕЦИФИКА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗЕМЕЛЬНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Н.В. Захарова, заместитель
заведующего кафедрой гражданского
права Омского юридического института

Понятие «правовое регулирование» вошло в научный оборот, начиная с 60-х гг. нынешнего столетия¹.

С.С. Алексеев считает, что по своей природе правовое регулирование является разновидностью социального регулирования, которое строится так, чтобы иметь целенаправленный, организованный, потенциально результативный характер, и осуществляется при помощи целостной системы средств, реально выражающих материю по-

зитивного права как нормативного институционального образования – регулятора². Следовательно, правовое регулирование, по мнению С.С. Алексеева, осуществляется адресатами права.

В.В. Лазарев, напротив, рассматривает правовое регулирование как часть (аспект) действий права, которая характеризует специально-юридическое (не информативное и ценностно-мотивационное) воздействие права на поведение и деятельность его адресатов, но непосредственно с ними еще не связана³.

Как отмечает В.И. Гойман, правовое регулирование охватывает и государственную деятельность, связанную с выработкой юридических установлений, а также с определением юридических средств обеспечения их действенности, и деятельность непосредственных участников общественных отношений, направленную на поиск и привлечение средств юридического регулирования, для согласования своего поведения с правом. Поэтому оно (правовое регулирование) может быть представлено как государственным регулированием, так и регулированием, осуществляемым непосредственно адресатами права, т.е. саморегуляцией⁴. Полагаем, именно с точкой зрения В.И. Гоймана следует согласиться, анализируя специфику правового регулирования земельных правоотношений.

Непосредственным предметом правового регулирования земельных правоотношений выступают отношения по использованию и охране земель в Российской Федерации (п. 1 ст. 3 Земельного кодекса Российской Федерации; далее – ЗК РФ). Вместе с тем необходимо иметь в виду, что имущественные отношения по владению, пользованию и распоряжению земельными участками, а также по совершению сделок с ними (ст. 3 ЗК РФ) являются, по существу, гражданско-правовыми и регулируются гражданским законодательством. Так, статья 10 ЗК РФ корреспондирует со ст. 129 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ), согласно которой «земля и другие природные ресурсы могут отчуждаться или переходить от одного лица к другому иными способами в той мере, в какой их оборот допускается законами о земле и других природных ресурсах».

Кроме того, важная роль в регулировании земельных отношений отводится специальному законодательству. Например, Федеральный закон «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» (далее – Закон об обороте земель сельскохозяйственного назначения) регулирует отношения, связанные с владением, пользованием, распоряжением земельными участками из земель сельскохозяйственного назначения, устанавливает правила и ограничения, применяемые к обороту земельных участков и долей в праве общей собственности на земельные участки из земель сельскохозяйственного назначения – сделкам, результатом совершения которых служит возникновение или прекращение прав на земельные участки из земель сельскохозяйственного назначения и доли в праве общей собственности на земельные участки из земель сельскохозяйственного назначения, определяет условия предоставления земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения, находящихся в государственной или муниципальной собственности, а также изъятия их в государственную или муниципальную собственность (ст. 1 Закона об обороте земель сельскохозяйственного назначения).

Земельные правоотношения регулируются также нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации и правовыми актами органов местного самоуправления. Например, в Омской области принято около 50 законов, указов и постановлений правительства, цель которых – регулирование отношений по использованию, охране и обороту земель.

Несмотря на обилие нормативных документов, регулирующих земельные отношения, содержание правоотношений по использованию земель в Российской Федерации вызывает массу дискуссий. Так, неоднозначно на сегодняшний день понимание сути отношений по использованию земельных участков. Существует точка зрения, что правоотношения по использованию земли – не что иное, как отношения, связанные с пользованием земельным участком. Но доктринальное толкование норм земельного законодательства позволяет сделать вывод, что термин «использование земель» – не синоним понятия «пользование земельным участком». Последнее как одно из триады права собственности не вызывает сомнений в понимании и толковании. Дефиниция же «использование земель» законодателем не раскрыта. Как верно утверждает В.В. Сорокин, трудно установить и изучить отношения между какими-либо явлениями, если сами они определены нечетко⁵. Зачастую вместо того, чтобы уделить серьезное внимание понятию, например, «пользование земельным участком», авторы стремятся предложить взамен совершенно новые термины. Безусловно, каждый правомочен в рамках своего исследования придерживаться того или иного понимания значения используемых научных терминов. Но совершенно недопустимо такое положение, когда происходит смешение содержания основных понятий, противоречащее исходным методологическим принципам⁶.

Классификацию земельных правоотношений можно строить как по основанию отнесения земель к той или иной категории, так и по другим признакам, в зависимости от того, какую особенность земельных правоотношений мы намерены выделить и исследовать. Свое юридическое значение имеет, например, классификация земельных правоотношений по их субъекту. Участниками этих отношений могут выступать сельскохозяйственные организации, товарищества, акционерные общества, граждане и др. Земельные правоотношения могут различаться по степени взаимной обязанности их участников. Они могут быть *отношениями равноправия* и *отношениями подчиненности* одной стороны другой. Как правило, равноправные земельные отношения возникают между теми или иными гражданами и юридическими лицами – пользователями земельных участков. Так, согласование между соседями о порядке использования смежных земельных

участков осуществляется путем свободной договоренности. Стороны этих отношений обязаны в равной мере воздерживаться от нарушения установленного порядка пользования землей. Партнерские отношения складываются между арендатором и арендодателем, в том числе при сдаче земельного участка в аренду, поскольку участники этих отношений обязаны добиваться взаимного согласия, не нарушать законных интересов другой стороны.

При отношениях подчиненности складывается иной характер поведения субъектов права пользования землей. В этих отношениях, как правило, одной из сторон является орган управления, который по закону правомочен давать те или иные указания землепользователю, контролировать его поведение и т.д. Так, должностное лицо землеустроительной службы может потребовать от сельскохозяйственной организации прекращения работ, угрожающих порчей сельскохозяйственных угодий, и собственник, землепользователь, землевладелец обязаны подчиниться этим законным требованиям.

Специфика регулирования тех или иных земельных правоотношений поставлена в зависимость от типа правового регулирования.

Тип правового регулирования на сегодняшний день – это устоявшаяся теоретическая категория, означающая соотношение разрешенного и запрещенного. Именно тип правового регулирования отражает социально-юридическую специфику правового регулирования, порядок воздействия права на земельные правоотношения и его направленность. Обычно выделяют два типа – общедозволительный и разрешительный.

Первая формула – «дозволено все, кроме того, что прямо запрещено законом». На данной формуле построен общедозволительный тип правового регулирования. По этому типу в регламентируемых правах отношениях устанавливаются строго и четко сформулированные запреты. Как правило, объем этих запретов невелик, а объем дозволений не определен. Он характерен для отношений, регламентируемых, прежде всего, отраслью гражданского права.

Вторая формула правового регулирования звучит иначе: «запрещено все, кроме прямо разрешенного». Сказанное означает, что участник правовых отношений подобного типа может совершать только действия, которые прямо разрешены законом, а все остальные действия запрещены. Этот тип правового регулирования принято называть разрешительным. В законе указывается точный, строго ограниченный объем правомочий: все, что выходит за пределы компетенции властвующего субъекта, категорически запрещено. Он присущ тем отраслям права, которые связаны, например, с государственным управлением (административное право).

Для земельных правоотношений характерен императивно-диспозитивный метод правового ре-

гулирования. Причем, именно императивно-диспозитивный, так как диспозитивность присуща данным отношениям в рамках ограниченного объема полномочий участников земельных отношений.

При анализе сочетания дозволительного и разрешительного типов правового регулирования надо иметь в виду, что общие дозволения могут непосредственно порождать юридические последствия, например, общее дозволение в отношении свободы договоров. Если нет запрета, установленного законом, то каждый участник земельных отношений имеет право заключать любой договор с кем угодно. Но вот общие запреты, как правильно подчеркивает С. С. Алексеев, непосредственно не могут порождать юридических последствий⁷.

Важное значение для решения проблемы регулирования земельных отношений имеет и вопрос о пределах названных типов правового регулирования. Разрешительный тип ни в коем случае не должен сковывать инициативу, предприимчивость субъектов земельных отношений, а предусматривать оптимальное количество инстанций, органов, разрешающих или запрещающих ту или иную деятельность по использованию и охране земель. Дозволительный тип регулирования, в свою очередь, не должен превращаться в злоупотребление дозволениями, правами.

В общем виде недопустимость злоупотребления правом установлена в ч. 3 ст. 17 Конституции Российской Федерации, согласно которой осуществление прав и свобод человека и гражданина (применимых и к юридическим лицам) не должно нарушать права и свободы других лиц. Иными словами, недопустимость злоупотребления правом является конституционно закрепленным общеправовым принципом в виде общего запрета, который предопределяет порядок реализации всех прав и свобод, а не только гражданских. В связи с этим вряд ли возможно рассматривать его лишь в качестве отраслевого принципа, принципа гражданского права, каким его считают цивилисты. Вся система прав и свобод строится таким образом, чтобы обеспечить законные интересы людей и предотвратить возможные ущемления их прав и свобод в результате злоупотребления ими со стороны отдельных лиц.

Теория злоупотребления правом известна многим странам различного правового семейства. Данный вопрос весьма детально урегулирован в мусульманском праве. Например, собственник земельного участка не имеет права рыть колодец в таком месте, где тот может нанести ущерб собственнику уже существующего соседнего. Мусульманская правовая доктрина, основываясь на хадисе о воздержании от всякого пользования, способного нанести ущерб другому, полностью запрещает собственнику злоупотреблять своим правом собственности или использовать его во вред «умме», бесцельно уничтожать имущество, без повода грубо обращаться

со своими рабами или животными.

Англосаксонская правовая доктрина выделяет следующие виды злоупотребления правом: контракты, направленные на совершение незаконных действий или на причинение вреда, противоречащие добрым нравам и публичному порядку, предусматривающие торговлю с враждебным государством, направленные на ограничение торговли, а также незаконный способ исполнения сделок. Свод английского гражданского права регулирует также злоупотребление правом в сфере отправления правосудия: злонамеренное судебное преследование (Malicious Prosecution) и злоупотребление гражданским процессом (Abuse of Civil Process), суть которых заключается в злонамеренных судебных преследованиях с целью подорвать репутацию другого лица и прочих действиях.

В отечественной юридической литературе ведется длительная дискуссия о понятии и содержании категории «злоупотребление правом». По мнению И. Я. Дорягина, злоупотребление правом выражается в искажении назначения права, в противопоставлении буквы закона его духу⁸.

С точки зрения В.П. Грибанова, особенность злоупотребления правом состоит в том, что оно возникает на базе осуществления субъективного права, т. е. на базе дозволенного законом поведения. При этом обязанность управомоченного лица состоит в том, чтобы не нарушать пределов осуществления права⁹. В.И. Гойман считает, что злоупотребление правом — это не особый тип правонарушения, а разновидность неправовых действий, связанных со злоупотреблением правовой свободой, основанное на эгоистических побуждениях поведение управомоченного субъекта, противоречащее природе права, закреплённой в его нормах цели либо связанное с привлечением неправовых средств для ее достижения¹⁰.

А.С. Шабуров также считает, что злоупотребление правом нельзя признавать правонарушением¹¹. Однако отрицание противоправности злоупотребления правом не дает оснований и для характеристики его как поведения правомерного, ибо последнее всегда социально полезно. Он предлагает рассматривать злоупотребление правом как самостоятельный вид правового поведения, который, в отличие от правонарушения, влечет за собой нетрадиционные юридические последствия.

А. Курбатов предпринимает попытку взглянуть на проблему злоупотребления правом с точки зрения проявления интересов. Для квалификации каких-либо действий как злоупотребления правом (властью), с его точки зрения, необходима совокупность двух факторов: 1) нарушение законных (охраняемых законом) частных и публичных интересов; 2) реализация права с выходом за его пределы, т. е. не в соответствии с объективным интере-

сом, лежащим в его основе¹². В качестве правового основания напрямую должна применяться норма ч. 3 ст. 15 Конституции Российской Федерации. С одной стороны, его позиция заслуживает внимания потому, что она учитывает возможность нарушения публичных интересов, а не только частных, а с другой — непонятно, что понимать под объективным интересом и можно ли рассматривать злоупотребление правом как правонарушение, поскольку автор прямо такого вывода не делает, хотя и не соглашается с мнением, что злоупотребление правом может быть правомерным.

Анализируя применение уполномоченными субъектами отдельных норм земельного права, полагаем, что злоупотребление правом имеет место и в тех случаях, когда выход за пределы осуществления субъективного права связан исключительно с его использованием во зло кому-либо или чему-либо.

Например, ранее проведенный кадастровый учет земельных участков фактически аннулируется нормой п. 1 ст. 22 и п. 3 ст. 21 Федерального закона от 2 января 2000 г. № 28-ФЗ «О государственном земельном кадастре» (далее — Закон о земельном кадастре): в случае, если сведения ранее проведенного государственного земельного кадастра «...нуждаются в уточнении и (или) отсутствуют сведения о его разрешенном использовании и (или) принадлежности к категории земель правообладателю такого земельного участка или уполномоченному им лицу одновременно с выпиской, предоставляемой ему в соответствии с правилами настоящей статьи, выдается справка о составе документов, которые необходимо подать в орган, осуществляющий деятельность по ведению государственного земельного кадастра, для уточнения указанных сведений», при этом «...в случае, если в представленных в органы, осуществляющие деятельность по ведению государственного земельного кадастра, документах отсутствуют сведения, необходимые для проведения государственного кадастрового учета земельных участков, или если такие сведения противоречивы, проведение государственного кадастрового учета земельных участков приостанавливается, и заявители немедленно в письменной форме извещаются о приостановлении проведения такого учета с обоснованием данных решений...». Подобный порядок использования сведений ранее проведенного кадастрового учета для регистрации прав на недвижимое имущество легализует существующую незаконную практику кадастрового ведомства, фактически запрещая регистрацию права на земельный участок на основании сведений ранее проведенного кадастрового учета земельного участка.

Исчерпывающий перечень документов, необходимых для формирования сведений государственного земельного кадастра, в Законе о земель-

ном кадастре не установлен. Вместо этого кадастровому органу дают полномочия определять состав документов для каждого лица в индивидуальном порядке, выдавая справку о документах, «необходимых для уточнения сведений» (п. 1 ст. 22 Закона о земельном кадастре). Данная норма, как и вышеназванные положения Закона о земельном кадастре, создают мощные предпосылки для злоупотребления правом со стороны уполномоченных органов.

Нормы об исправлении технических ошибок (ст. 21 Закона о земельном кадастре) также создают условия для злоупотребления правом со стороны органов государственной власти. Понятие «техническая ошибка» в Законе о земельном кадастре не определено, а ее исправление осуществляется решением кадастровых чиновников: *«Исправление технических ошибок, допущенных при ведении государственного земельного кадастра, осуществляется в случае, если нет оснований полагать, что такое исправление может причинить ущерб либо нарушить законные интересы правообладателей земельных участков или третьих лиц, которые полагались на соответствующие записи в государственном земельном кадастре»*. Таким образом, именно чиновники соответствующего уполномоченного органа определяют, нарушает ли исправление технической ошибки чьи-либо законные интересы. Они же, по своему усмотрению и без предварительного информирования правообладателя, принимают решение об исправлении ошибки. Если права последнего оказались нарушены, гражданин или уполномоченный орган смогут их восстановить только через суд (п. 3 ст. 21 Закона о земельном кадастре). Создается абсурдная ситуация: ведомство допускает ошибку, а затем обращается в суд, арбитражный суд с иском само на себя.

Статьей 14 Закона о земельном кадастре устанавливаются следующие требования к описанию земельного участка: кадастровые номера; местоположение (адрес); площадь; категория земель и разрешенное использование земельных участков; описание границ земельных участков, их отдельных частей; зарегистрированные в установленном порядке вещные права и ограничения (обременения); экономические характеристики, в том числе размеры платы за землю; качественные характеристики, в том числе показатели состояния плодородия земель для их отдельных категорий; наличие объектов недвижимого имущества, прочно связанных с земельными участками.

Представляется, что перечисленные требования необоснованно расширены и ужесточены, что во многих случаях приведет к ущемлению прав граждан и организаций.

Так, большинство граждан и организаций являются сегодня владельцами и собственниками

участков, точные границы которых изначально не определены. В Указе Президента РФ от 24.12.1993 г. № 1767 «О регулировании земельных отношений и развитии аграрной реформы в России» (далее – Указ) говорилось: *«При отсутствии чертежа границ земельного участка соответствующий комитет по земельным ресурсам и землеустройству в месячный срок после государственной регистрации права собственности на землю производит установление и оформление границ земельного участка и выдает собственнику копию чертежа границ участка»* (ч. 2 п. 9 Указа). Более того, возможность получения прав на земельный участок без выноса границ на местность была зафиксирована в Законе «О регистрации прав на недвижимость» – в редакции, которая действовала почти шесть лет (с 29.01.1998 г. по 17.09.2003 г.). *«В случае если отсутствуют или не закончены работы по кадастровому учету земельного участка (отсутствует кадастровый номер, не установлены границы, не определено местоположение объектов недвижимости и коммуникаций на участке), государственная регистрация прав осуществляется при наличии плана участка, составленного на основании данных, имеющихся на момент государственной регистрации прав в органе кадастрового учета, в том числе натурного описания границ»* (абз. 2 ч. 4 ст. 18). Иначе говоря, отсутствие точных границ участков, полученных при приватизации, ставит под сомнение существующие права граждан и организаций.

Учет отдельных качественных характеристик и отдельных частей границ земельных участков превращает процедуру учета в бесконечное дорогостоящее действо, подчиняет землепользователей чиновникам.

Указывать при описании земельного участка вид его разрешенного использования и цель предоставления земельного участка бессмысленно. Разрешенное использование определяется градостроительным законодательством и отражается в правовых актах территориального зонирования. Если согласиться с этой нормой, то при каждом изменении плана придется переучитывать сотни участков. Учет цели предоставления – атавизм советского законодательства. Согласно законодательству Российской Федерации участок может использоваться для любых целей в пределах разрешенного использования.

Кроме того, серьезной, с точки зрения злоупотребления правом, можно считать проблему изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд. Случаи, когда может осуществляться изъятие земельных участков для государственных или муниципальных нужд, определены ст.ст. 49, 55 ЗК РФ. Причем возможные случаи изъятия обозначены законодателем весьма обтекаемо, что по-

звolyет органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации и местного самоуправления принимать решение об изъятии земельных участков из частной собственности без достаточных на то оснований. В этой связи в настоящее время назрела необходимость внесения изменений в ЗК РФ в части уточнения процедуры изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд. Предполагается, что во избежание злоупотреблений и ограничений прав и интересов собственников земельных участков необходимо установить исключительные случаи, когда может осуществляться изъятие земельных участков для государственных или муниципальных нужд.

Кроме того, повсеместно игнорируются требования Земельного кодекса РФ об обязательном проведении аукционов по продаже земельных участков, либо права на заключение договоров аренды земельных участков для жилищного строительства. Здесь уместным будет упомянуть, что Госдума на пленарном заседании 20 сентября 2006 г. приняла в первом чтении проект закона «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и некоторые другие законодательные акты Российской Федерации». Законопроект, вносящий изменения в 35 законодательных актов, направлен на устранение административных барьеров, а также совершенствование механизмов вовлечения в хозяйственный оборот земельных участков для жилищного строительства. Проект документа предусматривает возможность предоставления земельных участков под жилищное строительство без проведения аукционов, если жилищное строительство осуществляется на основе размещения заказа на выполнение строительных работ для государственных или муниципальных нужд, а также если заключен договор о развитии застроенной территории в целях жилищного строительства. В остальных случаях проведение аукционов станет

обязанностью публичного собственника земельного участка, что должно привести к уменьшению фактов злоупотребления правом со стороны чиновников.

К сожалению, судебная практика не выработала четкого подхода к решению рассмотренных ситуаций, и поэтому проблема оптимизации правового регулирования земельных правоотношений, в том числе злоупотребления правом уполномоченными органами, является одной из актуальных на сегодняшний день.

¹ См.: *Александров Н. Г.* Право и законность в период развернутого строительства коммунизма / Н. Г. Александров. – М., 1961. – С. 188-195; *Явич Л. С.* Проблемы правового регулирования советских общественных отношений / Л. С. Явич. – М., 1961. – С. 17; *Горшенев В. М.* Участие общественных организаций в правовом регулировании / В. М. Горшенев. – М., 1963. – С. 21; *Алексеев С. С.* Механизм правового регулирования в социалистическом государстве / С. С. Алексеев. – М., 1966. – С. 54.

² См.: *Алексеев С. С.* Право. Азбука. Теория. Философия. Опыт комплексного исследования / С. С. Алексеев. – М., 1998. – С. 417.

³ См.: *Общая теория права и государства : учебник* / под ред. В. В. Лазарева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 1996. – С. 129.

⁴ См.: *Теория права и государства* / под ред. В. В. Лазарева. – М., 1996. – С. 111-112.

⁵ См.: *Сорокин В. В.* К понятию правовой системы / В. В. Сорокин // Правоведение. – 2003. – № 2. – С. 4-14.

⁶ Там же.

⁷ См.: *Алексеев С. С.* Право. Азбука. Теория. Философия. Опыт комплексного исследования. – С. 317.

⁸ См.: *Дюринг И. Я.* Гражданин и закон / И. Я. Дюринг. – М., 1989. – С. 48.

⁹ См.: *Грибанов В. П.* Осуществление и защита гражданских прав / В. П. Грибанов. – М., 2000. – С. 215.

¹⁰ См.: *Гойман Г. И.* Правоведение / Г. И. Гойман, И. В. Калинин, В. Червонюк. – М., 2003. – С. 18.

¹¹ См.: *Шабуров А. С.* Законность и правопорядок // Теория государства и права: учеб. для вузов. – М., 1997. – С. 25.

¹² См.: *Курбатов А.* Правовое регулирование расчетов в Российской Федерации / А. Курбатов // Хозяйство и право. – М., 2005. – 80 с.

О ПОНЯТИИ ЦЕССИИ В СОВРЕМЕННОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РОССИИ

С.И. Кожейкин, преподаватель кафедры гражданского права Омского юридического института

В отличие от многих других элементов системы гражданского права, снабженных специальным терминологическим инструментарием, получившим выражение в зафиксированных в отдельных статьях Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) и других федеральных законов нормах-дефини-

циях, применительно к цессии законодатель использовал не совсем удачный прием раскрытия ее сущности и природы. Так, анализируя главы 7 («Ценные бумаги») и 24 («Перемена лиц в обязательстве») ГК РФ, можно обнаружить ничем не объяснимое явление. С одной стороны, непосредственное упо-